

DOI: 10.18721/JHSS.12109
УДК 811.531 (371.3)

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ЕЁ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ОБУЧЕНИИ КОРЕЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Л.А. Воронина¹, С.А. Летун²

¹ Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация;

² Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

Исследованы значимые с точки зрения методики обучения корейскому языку как иностранному признаки экстралингвистической информации. Поставлена задача разработки соответствующей системы обучения, учитывающей факт неочевидности наличия экстралингвистической информации, необходимой обучающемуся для иноязычного общения, а также учитывающей неязыковую природу этой информации и различие в её объёме как предмета обучения в зависимости от уровня и профиля учебного заведения. Выделены этапы исследовательской работы, ориентированные на решение данной задачи. Проведено сопоставление понятий «экстралингвистическая информация», «лексический фон», «фоновые знания», «фоновая информация», подчеркнуты их обусловленность социокультурным контекстом, а также методически важное различие понятий «информация» и «знание». Сделан ряд выводов о методической целесообразности разделения подобной информации на долговременную и кратковременную, о подвижности содержания обучения, необходимости его оперативной коррекции. Отмечено важное для обучения иноязычному общению умение вскрывать имплицитное, основанное на достаточности или недостаточности необходимой информации. Предпринята попытка классифицировать и структурировать объём экстралингвистической информации, на основе которой у обучающихся формируются фоновые знания, через понятие «информационный запас», разработанное в рамках теории перевода. На конкретных примерах показана методически значимая разница в объёмах экстралингвистической информации. Сделан вывод о том, что экстралингвистическая информация не всегда может и не всегда должна быть представлена исключительно в вербализованном виде. Определены группы актуальных вопросов, связанных с определением механизмов её передачи при обучении и приёмах формирования и интерпретации ассоциаций и образов в процессе обучения корейскому языку.

Ключевые слова: экстралингвистическая информация, лексический фон, фоновые знания, фоновая информация, информационный запас, образ, обучение корейскому языку.

Ссылка при цитировании: Воронина Л.А., Летун С.А. Экстралингвистическая информация и её объяснительный потенциал в обучении корейскому языку // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 1. С. 92–103. DOI: 10.18721/JHSS.12109

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

EXTRA-LINGUISTIC INFORMATION AND ITS EXPLANATORY POTENTIAL IN TEACHING THE KOREAN LANGUAGE

L.A. Voronina¹, S.A. Letun²

¹ Moscow City University,
Moscow, Russian Federation;

² Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

The authors highlight features of the extralinguistic information that are important in terms of methods to teach the Korean language to Russian-speaking students. A task was set to develop an appropriate teaching system that considers the non-obviousness of availability of extralinguistic information, which is necessary for students to communicate in a foreign language, and also considers the non-linguistic nature of this information and the difference in its scope as a teaching subject depending on the level and profile of the educational institution. Stages for researches aimed at the settlement of this task are indicated. Concepts of “extralinguistic information”, “lexical background”, “background knowledge”, “background information” are compared, and their socio-cultural conditioning by context, as well as a methodologically important distinction between the concepts of “information” and “knowledge” are emphasized. Accordingly, a number of conclusions are made about the methodological significance of separating such information into long-term and short-term, about fluidity of the teaching content and about necessity to correct it promptly. It is noted that it is important for teaching communication to gain the ability to reveal the implicit, which is based only on sufficiency or insufficiency of relevant information. The authors attempt to classify and structure the scope of extralinguistic information, on the basis of which students form their background knowledge, using a notion of “information reserve” developed in the frame of translation theory. A methodically significant difference in the scopes of “extralinguistic information” depending on a degree of such reserve is shown on specific examples. It is shown also that the scope of accumulation of extralinguistic information at a certain level of teaching can vary. The conclusion was made that “extralinguistic information” cannot always be represented and, therefore, should not always be presented exclusively in the verbalized form. The authors highlighted the groups of relevant issues as to determination of how to convey such information during teaching and marked out the methods to form and to interpret the corresponding associations and images in the process of teaching Korean language.

Keywords: extralinguistic information, lexical background, background knowledge, background information, information reserve, image, teaching the Korean language.

Citation: L.A. Voronina, S.A. Letun, Extra-linguistic information and its explanatory potential in teaching the Korean language, Society. Communication. Education, 12 (1) (2021) 92–103. DOI: 10.18721/JHSS.12109

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Постоянный поиск основанных на научных достижениях инновационных форм учебно-методического обеспечения процесса обучения подсказывает траекторию направления от формально-структурных методов к учету контекста [1, с. 84–85]. Особенно это касается корейского языка как, с одной стороны, иностранного, а с другой, – как одного из тех восточных языков, которые требуют от обучающихся усвоения достаточно большого объёма дополнительной информации, связанной с историей, географией, традициями, фольклором и т. п. страны изучаемого языка для своевременной актуализации в речевом акте с целью передачи необходимого для конкретной ситуации общения смысла.

В научно-методической литературе такую информацию исследователи называют по-разному: и «культурный компонент», и «культурно-исторический компонент», и «национально-культурный компонент» и пр. [2, с. 16]. В данной публикации авторы в качестве ключевого опираются на понятие *экстралингвистической информации* (термин М.А. Мошкиной), которое, с одной стороны, указывает на некие сведения, данные, набор фактов и т. п., а с другой, – на их отсутствие в самом значении номинативных единиц. Данное понятие используется в *лингводидактическом контексте* и подразумевает обязательное овладение обучающимися неким культурным кодом, являющимся основой не только для понимания культуры в целом, но и для успешного овладения иностранным языком. Из этого следует, что для осуществления полноценного общения на корейском языке с его носителями требуется обучать языковым единицам таким образом, чтобы, помимо их значения, обучающиеся усваивали экстралингвистическую информацию, ассоциируемую среднестатистическим носителем изучаемого языка с языковым знаком. По нашему мнению, эта информация не имеет языковой природы, т. е. не закреплена в лексическом значении

самой языковой единицы, и должна отличаться по своему объёму как предмет обучения в зависимости от уровня владения иностранным языком и профиля учебного заведения. Рассматриваемая информация в любом требуемом объёме в каждом конкретном случае обучения должна стать *знанием* как его необходимый компонент лингвообразовательного процесса, в связи с чем становится востребованной разработка соответствующей системы обучения.

Методология

Методологической основой предпринятого исследования послужили труды отечественных и зарубежных авторов, в том числе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, Г.В. Елизаровой, Л.К. Латышева, Р.К. Миньяр-Белоручева, Е.Г. Таревой, Т.А. ван Дейка и др.

На протяжении всей своей профессиональной деятельности мы исследовали проблему соизучения языка и культуры на примере корейских реалий, применяя различные «культуросообразные подходы» [3, с. 302]. Были использованы как общие, так и специальные для лингводидактики методы исследования. Для полноты доказательной базы потребовалось также проведение семного и семемного анализа. Опытным путем было установлено, что для выстраивания эффективного общения с носителями такой высококонтекстуальной культуры, как корейская, необходимо вместе с обучением языку передавать определенное, иногда значительное, количество информации, связанной со страной, её традициями, нормами и т. п. Полученные эмпирические данные позволили заключить, что при таком подходе занятие по корейскому языку превращается в передачу информации по страноведению или этнологии, т. е. экстралингвистическая информация превалирует над лингвистической [4, с. 16]. Все известные культуросообразные подходы, применяемые в контексте обучения западноевропейским языкам, делают недостаточный акцент на необходимости усвоения соответствующих сведений, требуется иная система обучения корейскому языку как иностранному.

Лингводидактическая проблема при этом заключается в том, что экстралингвистическая информация обучающемуся не очевидна, её необходимо, прежде всего, определить, а затем сформировать и методически обоснованно преподнести обучающемуся таким образом, чтобы она сначала стала его личным знанием, а затем была использована при освоении им необходимых компетенций. Исходя из данного подхода, нами определяются следующие этапы решения заявленной проблемы, каждый из которых нацелен на решение связанных с ним задач: 1) классификация и отнесение экстралингвистической информации к соответствующей методической категории; 2) отбор требующейся информации в объёме, необходимом и достаточном для решения конкретных учебных задач; 3) организация отобранного информационного материала и представление его в определенной форме; 4) создание методических условий для формирования фоновых знаний как результата усвоения экстралингвистической информации; 5) разработка заданий для учета обучающимся сформированных у него фоновых знаний при дальнейшем развитии иноязычной коммуникативной компетенции. Настоящая статья посвящена поиску решения первой и отчасти второй задачи и намечает подходы к решению связанных с данной проблемой остальных задач.

Исследование и результаты

Экстралингвистическая информация: суть явления в парадигме смежных понятий. По своей сути рассматриваемая нами информация, представляющая собой в самом общем виде *этнокультурные сведения о жизни носителей изучаемого иностранного языка*, предъявляемые в обучении вместе с конкретной языковой единицей, являются информацией *экстралингвистической*, у которой нет строго очерченных и постоянных рамок, как, например, у зафиксированного в различных словарях значения слова. Эту информацию надо актуализировать вместе с усваиваемым значением, придав ей соответствующую методическую форму в виде самых разнообразных опор, через которые она будет поступать к обучающемуся по тем или иным рецепторам.

Термин «экстралингвистическая информация», обозначающий информацию, которая «отражает культурно-исторические, социальные традиции общества, факты социально-культурной жизни и др. и может быть представлена предметно-изобразительным кодом, сочетанием аудиального и/или визуального кода с текстом и, наконец, текстом (в устной или письменной форме)»¹, в контексте обучения иностранным языкам всё ещё не является устоявшимся (например, отсутствует в «Современном словаре методических терминов и понятий»²). Данный термин часто ассоциируется с другими соотносимыми с ним номинациями, такими, например, как «лексический фон», который в рамках лингвострановедческой теории слова был создан для описания «ореола всевозможных сведений» [5, с. 78], складывающегося вокруг того или иного слова как языкового знака. Авторами данной теории рассматриваемое понятие трактуется достаточно узко. Во-первых, они имеют в виду только три номинативные единицы (слово, фразеологизм и языковой афоризм), хотя экстралингвистическая информация соотносится со всеми языковыми знаками [6, с. 109]. Во-вторых, в представлении ученых лексический фон является частью семемы, что противоречит нашему представлению о локализации «экстралингвистической информации». В-третьих, термин «лексический фон» не является часто употребляемым в методической науке; по словам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, он произведен от встречающегося в ней термино-сочетания «фоновые знания».

Знакомство с источниками, в которых упоминается понятие «фоновое знание», приводит к выводу о его междисциплинарном характере и достаточно широкой трактовке. В этом нет ничего противоречивого, т. к. изначально оно обозначало «все знания о мире» (от англ. background knowledge) и всесторонне рассматривалось философами (И.Т. Касавин, 1994 и др.), культурологами (Э.Д. Хирш, 1988 и др.), лингвистами и филологами (О.С. Ахманова, 1966; И.Р. Гальперин, 1981; Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, 1973–2005; И.В. Гюббенет, 1981; Г.Д. Томахин, 1980–1988; С.Г. Тер-Минасова, 2000; В.В. Воробьев, 2008; Р.Х. Хайруллина, 2017 и др.), педагогами (В.И. Гинецинский, 1986; И.Д. Фруммин, 1999; Д.Б. Бережнова, 2008), психологами (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков, 1988 и др.), специалистами в области перевода (В.С. Виноградов, 2001; А.В. Федоров, 2002; И.М. Шеина, 2009 и др.), специалистами в области теории и методики обучения иностранным языкам (В.П. Фурманова, 1993; В.В. Сафонова, 1996, И.И. Халеева, 1999 и др.).

В рамках диалога культур понятие «фоновые знания», зафиксированное в словаре под редакцией О.С. Ахмановой как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения»³, долго связывалось с денотатом и интерпретировалось разными исследователями по-своему, в зависимости от того, что именно понималось под реалией. Иногда его трактовка указывает на нечто неисчерпаемое, например, «вся совокупность сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера...» [7, с. 49]. Другим примером может послужить типология Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, согласно которой все «фоновые знания» делятся на общечеловеческие, региональные и страноведческие, хотя именно эти авторы являются основоположниками ряда исследований, вскрывающих связь языка и культуры, где особый акцент делается на страноведческие «фоновые знания».

В соответствующей литературе встречаются также примеры узкой интерпретации «фоновые знания» с указанием, например, на подробный перечень конкретных информационных источников: 1) свойства грамматической структуры высказывания (заданные грамматическими правилами); 2) паралингвистические характеристики (темп речи, ударение, интонация, высота тона и т. д., а также жесты, мимика, движение тела и т. д.); 3) наблюдение/восприятие коммуника-

¹ Мошкина М.А. Текстовая презентация экстралингвистической информации в сочинениях учащихся о родном крае : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2012. С. 4.

² Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Курсы, 2019. 496 с.

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 489 с.

тивной ситуации (присутствие и свойства находящихся в поле зрения объектов, людей и т. д.); 4) хранящиеся в памяти знания/мнения о говорящем и его свойствах, а также информация о других особенностях данной коммуникативной ситуации; 5) в частности, знания/мнения относительно характера происходящего взаимодействия и о структуре предшествующих коммуникативных ситуаций; 6) знания/мнения, полученные из предыдущих речевых актов, т. е. из предшествующего дискурса, как на микро- (или локальном), так и на макро- (или глобальном) уровнях; 7) знания общего характера (прежде всего конвенциональные) о (взаимо)действии, о правилах, главным образом прагматических; 8) другие разновидности имеющих общий характер знаний о мире (фреймы) [8, с. 15].

Краткий анализ показывает, что понятие «фоновые знания» прошло долгий путь становления и пережило этап неоднократной классификации. Не отрицая многокомпонентной структуры исследуемого явления, следует считать задачу создания универсальной классификации «фоновые знания» до сих пор нерешенной. В контексте проводимого исследования принимается в качестве базовой трактовка «фоновых знаний» с точки зрения их культурной обусловленности: «общим у них будет только когнитивный механизм действия в ситуации общения, а структура для каждой культуры – разная» [9, с. 76].

Примечательно то, что даже с точки зрения культуросообразной интерпретации «фоновых знаний», часть ученых интерпретирует их и как *информацию*⁴, т. е. сведения в виде символов, ассоциаций, аналогий, метафор, представлений, коннотаций и пр., и как *знание*⁵. Подобная двойственность в интерпретации не случайна, поскольку информация, исследуемая в таких научных областях, как лингвистика, переводоведение, культурология, только тогда становится личным знанием (изучаемом в рамках психологии, педагогики, теории и методики обучения и воспитания), когда происходит её усвоение обучающимися. Информация через мыслительные операции перерабатывается, преобразуется и остается в долговременной памяти обучающегося в виде знаний.

Экстралингвистическая информация с точки зрения своего содержания относится исключительно к первому из приведенных толкований. С этих позиций для лингводидактических целей возникает возможность сначала рассмотреть информацию, предложив её классификацию для конкретных условий обучения, определить её объём. После этого возникают условия для выстраивания соответствующей системы обучения или коррекции последней. Именно в рамках такой системы сведения из реальной жизни будут передаваться обучающемуся, и при определенных обучающих действиях данные сведения будут перерабатываться обучающимся, превращаясь в интериоризированное им знание, значимое для общения на изучаемом языке.

Помимо сказанного экстралингвистическая информация как феномен соотносима с тезаурусом – набором «данных о какой-либо области знаний, который позволяет правильно ориентироваться в ней» [10, с. 35], с фоновой информацией, под которой понимаются «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [Там же, с. 36]. Последняя отражает «прежде всего специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п.» [Там же, с. 36–37]. По мнению В.С. Виноградова, именно с фоновой информацией связан «подтекст» и «вертикальный контекст», а также подразделение информации на «долговременную и кратковременную». Значимость такой классификации для методики обучения иностранным языкам трудно переоценить. Становится ясно, именно кратковременная информация является наиболее трудной (в силу того что она является быстроустаревающей). Как следствие, возникает *проблема*

⁴ БЭСЯ – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. 337 с.

⁵ Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) для институтов и факультетов иностр. языков: учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ИД «Филология ТРИ», 2002. 200 с.

подвижности содержания обучения, а, следовательно, и необходимость её оперативной коррекции – своевременного пополнения содержания обучения информацией, относящейся к кратковременной, и при необходимости выведение последней из этого содержания.

Заметим с целью выявления терминологической упорядоченности, что понятие «фоновая информация» весьма специфично, и его включение в методический лексикон небесспорно. Хотя В.С. Виноградов и говорит про имплицитный характер фоновой информации (проблема эксплицитности и имплицитности культурного компонента значения рассмотрена в исследовании Е.П. Хилько⁶), но всё равно связывает её только со словами. Мы присоединяемся к тем исследователям, которые считают, что, не будучи языковой единицей, экстралингвистическая информация является неотъемлемым компонентом речи [11, с. 261]. С этой точки зрения она классифицируется как «речевая, энциклопедическая и символическая» [12, с. 77].

О нелингвистической природе одной из частей двухуровневой единицы концептуальной картины мира (в терминах «Тезаурус 1» и «Тезаурус 2») пишет и И.И. Халева, признавая невербальную форму последней. Термин «Тезаурус 2» вполне можно рассматривать как синоним экстралингвистической информации: этот тезаурус «соотносится собственно со знаниями о мире (не всегда находящими непосредственную корреляцию в словарном фонде), формирующими общую картину мира на уровне концептуальной системы, в частности, как системы пресуппозиций и импликаций» [13, с. 10]. Таким образом, актуализация экстралингвистической информации происходит только в речи, но не в языке: именно невербальные средства в совокупности со знанием контекста превращают предложение в высказывание [14, с. 65; 15, с. 266], без последних общение лишено смысла.

Следует заключить, что экстралингвистическая информация – это фактор, который обеспечивает понимание передаваемой от одного человека другому информации, а, значит, и смысл происходящего. Иными словами, не сообщая сведений, мы не даём обучающемуся возможности использовать речь корректно. Важное для любых видов общения, а, значит, и важное для решения задачи обучения общению *умение вскрывать имплицитное* основывается только на достаточности или недостаточности информации. Л.К. Латышев в контексте подготовки переводчиков называет такую информацию «преинформационный запас» и понимает его как «запас экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текстов» [16, с. 84]. При этом, впрочем, никаких конкретных методических решений не предлагается.

К вопросу об измерении экстралингвистической информации в дидактических целях. Мы предприняли попытку классифицировать и структурировать объём экстралингвистической информации, на основе которой у обучающихся формируются фоновые знания, аккумулирующиеся в информационный запас. Последний термин предложен в рамках теории перевода и призван методически показать, владея какой степенью, а, значит, каким объёмом информации переводчик может обеспечить достаточное, адекватное или полное понимание и, соответственно, не допустить ошибок при двуязычной коммуникации.

Р.К. Миньяр-Белоручев под информационным запасом понимает «объём информации, ассоциируемой коммуникантом с языковым знаком или обозначенным им объектом» [17, с. 50] и соотносит его с пятью степенями владения. Для переводчиков достаточным является информационный запас третьей степени. Для профессионально ориентированного обучения нужна четвертая, а иногда и пятая степень.

В таблице представлен различный объём экстралингвистической информации на примере корейской реалии *хэнё* (ᄒᆞᆫᆫᆞᆫ) «ныряльщица, женщина-водолаз».

Для достижения объёма информации первой степени, который «позволяет соотнести лексическую единицу с той или иной областью жизни» [18, с. 169], достаточно обозначить, что

⁶ Хилько Е.П. К вопросу о культурном компоненте значения лексических единиц в контексте диалога культур // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 78–84.

Пример определения объёма «экстралингвистической информации»
Example of determining the volume of “extralinguistic information”

Степень информационного запаса	Объём информационного запаса		Ключевое содержание экстралингвистической информации
	Признак определения степени информационного запаса	Значение корейской реалии хэнё (해녀)	
1	Минимальный объём знаний, позволяющий соотнести лексическую единицу с определенной областью жизни	해(海) «море» + -녀(女) «лицо женского пола» = женщина моря	Женщина, жизнь которой связана с морем
2	Связь лексической единицы с конкретной областью знаний	Ныряльщица	Лицо женского пола, занятое деятельностью, имеющей отношение к добыче морепродуктов и жемчуга в прибрежной морской зоне
3	Выделение объекта (денотата) из группы однородных предметов или явлений (это тот уровень знания лексической единицы, который позволяет свободно владеть ею, правильно понимать и употреблять её в речи)	Ныряльщица за морепродуктами и жемчугом как лицо, которое имеет отношение к занятию, встречающемуся на морском побережье только в определенной части Кореи	Лицо женского пола, занятое деятельностью, имеющей отношение к добыче морепродуктов, съедобных трав донной морской растительности, жемчуга и т. п. в прибрежной морской зоне методом безаклангового погружения; род традиционного морского промысла на побережье о. Чеджу, г. Пусан, Южного и Восточного морей на Корейском полуострове
4	Наличие некоторого количества систематизированных сведений о денотате (обязателен для специалиста в соответствующей области)	Ныряльщица за морепродуктами и жемчугом как лицо, которое имеет отношение к занятию, встречающемуся на морском побережье только в определенных частях Кореи, нашедшее отражение в национальных памятниках культуры, литературы и исторических источниках	Лицо женского пола, занятое деятельностью, имеющей отношение к добыче морепродуктов, съедобных трав донной морской растительности, жемчуга и т. п. в прибрежной морской зоне Корейского полуострова методом безаклангового погружения (только за счет индивидуально развитых навыков задерживания дыхания под водой и простых приспособлений); род традиционного морского промысла, известного на побережье о. Чеджу, г. Пусан, Южного и Восточного морей с XII века, упоминается в таких письменных памятниках, как 김부식『삼국사기』(1145), и в фольклоре: 이견李健『제주풍토기濟州風土記』(1628~1635); занятия данным видом морского промысла выработали своеобразные требования к внешнему виду (одеянию) женщин-ныряльщиц и к наличию атрибутов их деятельности (см. фото и видеоматериалы на https://namu.wiki/w/해녀); такое занятие в прошлом служило источником пропитания, и, хотя в настоящее время такой промысел как основной род деятельности свое исключительное экономическое значение потерял, на о. Чеджу является элементом туристической программы по ознакомлению с прошлым и настоящим ремесел и видов хозяйственной деятельности на острове (https://www.jeju.go.kr/haenyeo/index.htm); в 102 рыбацких деревнях этим промыслом занимается около 9800 ныряльщиц (28.06.2020 - http://www.newsjeju.com/news/articleView.html?idxno=33916). В 2016 г. этот промысел о. Чеджу был зарегистрирован в ЮНЕСКО как наследие нематериальной культуры. Ныряльщицы, проживающие в рыбацких деревнях, называют себя по-другому: '잠녀', или диалектно: '좀녀 / 좀네'. Может использоваться также слово '잠수'

Окончание таблицы

5	Глубина понимания, достижимая в ходе специальных научных исследований	Ныряльщица за морепродуктами и жемчугом как лицо, которое имеет отношение к занятию, встречающемуся на морском побережье только в определенных частях Кореи, нашедшее отражение в национальных памятниках культуры, литературы, исторических и прочих источниках, послуживших материалом для специальных исследований	<p>Вся совокупность сведений, известная в настоящее время современным исследователям данного рода человеческой деятельности в мультидисциплинарном аспекте, включая указанные выше.</p> <p>Рекомендованные материалы современных исследований:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 民謠 歌唱者의 時間과 空間 意識 이성훈 2007 2. <해녀 노 젓는 소리>의 通時的 ? 共時的 考察(1) - 서부 경남 지역의 본토 출가 해녀를 중심으로 강명혜 2005 3. 제주 해녀의 역사적 고찰 박찬식 2004 4. 식민지시대 한·일해역의 자원과 해녀의 이동 안미정 2016 5. 일본 쓰가지마[菅島]의 '아마'와 제주 해녀의 비교 민속학적 고찰 좌혜경 2002
---	---	---	--

речь идет о лице женского пола, занятом деятельностью, имеющей отношение к морю, где экстралингвистической информацией являются сведения о том, что *женщина связана с морем*. Вторая степень, предполагающая связь лексической единицы с конкретной областью знаний, позволяет распределять обозначаемое уже не по классам предметов, явлений, а по родам, к которым оно относится. К объёму экстралингвистической информации первой степени добавляется следующее: *лицо женского пола, занятое деятельностью, имеющей отношение к добыче морепродуктов и донной морской растительности в прибрежной морской зоне*. Третья степень информационного запаса, выделяющая денотат из группы однородных предметов, потребует добавления экстралингвистической информации, касающейся *метода безаквалангового погружения*; а также *места (побережье Южного моря на Корейском полуострове и о. Чеджу)*. Четвёртая степень, характеризующаяся наличием некоторого количества систематизированных сведений о денотате, потребует добавления экстралингвистической информации о *первых упоминаниях о хнё, их представлении в литературных источниках, внешнем виде и атрибутах деятельности, уточнении о причинах возникновения этого рода деятельности, его современном статусе и т. д.* Пятая степень предполагает самое глубокое погружение в тему, связанную с данным видом человеческой деятельности, достижимое только в ходе ознакомления с результатами соответствующих мультидисциплинарных исследований.

Как видно из приведенного примера, нарастание объёма информационного запаса от степени к степени обуславливает необходимость передачи информации не только вербальным путем, но и с помощью предметно-изобразительного кода или сочетания аудиального и/или визуального кода с текстом, следовательно, экстралингвистическая информация должна быть представлена в форме поликодовой опоры [19, с. 131; 20, с. 113].

Экстралингвистическая информация передается в виде знания носителей изучаемого языка как «результата процесса познания действительности»⁷, причем коллективного. Это знание аккумулируется конкретной этнолингвистической группой на протяжении определенного исторического периода и сохраняется в памяти народа в разных формах. На сегодня пока нет общепринятого понимания того, что именно оно из себя представляет, в каких формах существует, как передается и усваивается [21, с. 73]. Тем не менее, при учете того, что знание выражается обоснованным, общезначимым, intersubъективным предложением или системой таких предложений, возникает возможность фиксировать фоновое знание, его классифицировать и выявлять

⁷ Философский энциклопедический словарь. М.: ИД «ИНФРА-М», 1997. С. 164.

уровни его освоения. При этом знание может быть выражено с помощью визуального образа, либо с помощью его сочетания с текстом в фотографическом изображении, а также схематически, в виде математического уравнения, графика, таблицы и т. п. в противовес встречающемуся в научно-методической литературе мнению о том, что знания фиксируются в понятиях, у которых одна форма существования – словесная.

Прежде, чем стать знанием, в том числе фоновым знанием, информация как объективное содержание преломляется в сознании индивида через «чувственные образы или особые мыслительные образы (концепты, понятия и т. п.)» [22, с. 40]. Это означает, что на этапе знания как результата обучения речь следует вести про некий *образ реальности субъекта в форме понятий и представлений*. В понятиях на основе общественно-исторической практики людей откладывается, аккумулируется коллективный опыт народа, подытоживается и резюмируется знание, накопленное за известный период. В этом смысле «обыденное понятие и значение слова совпадают» [23, с. 80]. А.Л. Никифоров говорит, что с точки зрения структуры знания человек остается в рамках чувственных восприятий, поэтому важнейшее место в нем занимает представление. Представление – это *образы*, а также связанные с ними оценки и коннотации. Они могут быть как индивидуальными, так и коллективными.

Объектом методического анализа выступают знания, хранящиеся в коллективной памяти, историческом сознании нации и включающие в себя массовые обыденные представления о прошлом и настоящем [24]. Образы классифицируют в зависимости от задействованных в восприятии сенсорных систем: световой (визуальной), звуковой, механической, химической и температурной, где самыми важными являются первые две, т. к. наибольший процент информации человек получает именно через них. О.В. Лазарева утверждает, что, в дополнение к указанному выше, образ также может представлять собой идею и выступать одним из компонентов информации, важной для формирования понятия в необходимом для его полноты объеме [25, с. 59–61]. Таким образом соответствующий информационный объект предоставляет возможность для опредмечивания ценностных смыслов культуры. В продолжение своей мысли О.В. Лазарева предлагает ценностные смыслы корейской культуры воспринимать через четыре типа интерпретации визуальных образов: 1) представления о сакральном; 2) искусство как “fineart”; 3) деятельность разнообразных культурных индустрий; 4) визуальный контент интернет-пространства [26, с. 58–60]. Такая классификация образов обладает большим прикладным потенциалом применительно к исследованиям, связанным с элиминацией лакун [27] как средством своеобразной передачи экстралингвистической информации в процессе обучения корейскому языку.

Рассмотренные выше подходы к определению и выявлению объема экстралингвистической информации представляются плодотворными для дальнейшего определения содержания обучения в узком смысле [знание] и в широком смысле как более объемная и разноплановая репрезентация этого знания в методической системе обучения корейскому языку.

Заключение

Информация, которой должен владеть обучающийся после определенного этапа обучения, с методической точки зрения имеет двоякую природу: с одной стороны, со стороны разработчиков учебно-методических материалов и преподавателей, она трактуется как экстралингвистическая информация, с другой, со стороны обучающегося, – как информационный запас, предполагающий пять степеней объема.

Преподаватель должен задаваться вопросами классификации такой информации и определения её объема для конкретного уровня и ступени обучения, а для студента важно усвоить информационный запас, пользуясь предоставляемыми ему средствами как вербального, так и невербального характера, визуальными и прочими образами в форме соответствующего методического сопровождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е.** Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
2. **Згировская О.Г.** Культурный компонент в семантике лексических единиц и его фиксация средствами лексикографии (на примере словарных статей на букву Ж «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля // Вестник Московского государственного областного университета. Русская филология. 2018. № 1. С. 14–23. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-14-23
3. **Тарева Е.Г.** Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // Язык и культура. 2017. № 40. С. 302–320. DOI: 10.17223/19996195/40/22
4. **Воронина Л.А., Летун С.А.** Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) // Вестник НГУ. История, филология. 2021. Т. 20. № 2: Филология. С. 49–56. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-2-49-56
5. **Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: «Индрик», 2005. 1040 с.
6. **Елизарова Г.В.** Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005. 352 с.
7. **Ахманова О.С., Пюббенет И.В.** «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
8. **ван Дейк Т.А.** Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. яз. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
9. **Шеина И.М.** Фоновые знания как неотъемлемый компонент профессиональной компетенции переводчика // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. №4(1) С. 75–79.
10. **Виноградов В.С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
11. **Суперанская А.В.** Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
12. **Дашеева В.В.** Универсальность экстралингвистической информации имени (на материале монгольских и китайских антропонимов) // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 8. С. 76–81.
13. **Халеева И.И.** Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. трудов. 1999. Вып. 444. С. 5–15.
14. **Шарков Ф.И.** Коммуникология: основы теории коммуникации. М.: «Дашков и К», 2012. 273 с.
15. **Temirova F.T.** Importance of extralinguistic and paralinguistic factors in literary discourse // ISJ Theoretical & Applied Science. 2020. No. 02(82). Pp. 265–271. DOI: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.02.82.48>
16. **Латышев Л.К.** Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: Кн. для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
17. **Миньяр-Белоручев Р.К.** Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
18. **Миньяр-Белоручев Р.К.** Как стать переводчиком? М.: «Готика», 1999. 176 с.
19. **Semeniuk T., Gordienko Yu.** From text to polycode text: Semiotic changes in text production // Research Trends in Modern Linguistics and Literature. 2018. No. 1. Pp. 122–134 // URL: <https://rtmll.vnu.edu.ua/index.php/fgh/article/view/24>
20. **Mukhametshina D.R., Danilova J.J., Bubekova L.B.** Multimodal text: Author's linguopragmatics and extralinguistic factors // ALR Journal. 2020. No. 4(9). Pp. 112–117. DOI: 10.14744/alrj.2020.19981
21. **Никифоров А.Л.** Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 61–73.
22. **Щедровицкий Г.П.** Избранные труды. М.: Изд-во «Школа Культурной Политики», 1995. 800 с.
23. **Стожок Е.В.** Термин, понятие, значение // Омский научный вестник. 2011. № 1 (95). С. 79–81.
24. **Матусевич О.А.** Историческое сознание и коллективная память как предмет социально-гуманитарного познания // Труды БГТУ: История, философия, филология. 2011. № 5. С. 11–113.

25. **Лазарева О.В.** Перспективы сближения визуальных исследований и культурологии // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 (33). С. 54–69. DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-54-69
26. **Лазарева О.В.** Генезис и типология корейских визуальных практик // Вестник СПбГИК. 2019. № 4 (41). С. 57–62. DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-57-62
27. **Anokhina T.** The linguistic verification of lacunae by the modern lacunology studies // Research Trends in Modern Linguistics and Literature. 2018. No. 1. Pp. 4–16 // URL: <https://rtml.vnu.edu.ua/index.php/fgh/article/view/14>

Статья поступила в редакцию 21.01.2021.

REFERENCES

- [1] **S.T. Nefedov, V.E. Chernyavskaya**, Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions, Tomsk State University Journal of Philology. 63 (2020) 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
- [2] **O.G. Zgirovskaya**, Cultural component in the semantics of lexical units and its fixation by means of lexicography (on the examples of dictionary entries (letter ж) in the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” of V. Dahl), Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Russian philology. 1 (2018) 14–23. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-1-14-23
- [3] **E.G. Tareva**, The system of culture-based approaches to foreign language teaching, Yazyk i kultura [Language and Culture]. 40 (2017) 302–320. DOI: 10.17223/19996195/40/22
- [4] **L.A. Voronina, S.A. Letun**, Significance of the ‘National and Cultural Component’ When Teaching Foreign Languages (Using Korean as an Example), Vestnik NSU. Series: History and Philology. 20 (2) 2021 49–56. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-2-49-56
- [5] **E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov**, Yazyk i kultura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy [Language and Culture: Three Linguistic and Regional Concepts: Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics and Sapientems], «Indrik», Moscow, 2005.
- [6] **G.V. Elizarova**, Kultura i obuchenie inostrannym yazykam [Culture and Foreign Language Teaching], KARO, SPb, 2005.
- [7] **O.S. Akhmanova, I.V. Gyubbenet**, «Vertikalnyi kontekst» kak filologicheskaya problema [“Vertical context” as a philological problem], Voprosy yazykoznanija [Questions of linguistics]. 3 (1977) 47–54.
- [8] **T.A. van Deik**, Language. Cognition. Communication. Progress, Moscow, 1989, 310 p.
- [9] **I.M. Sheina**, Background knowledge as an integral component of a translator’s professional competence, Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities]. 4 (1) (2009) 75–79.
- [10] **V.S. Vinogradov**, Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to Translation Studies (General and lexical questions)], Izdatelstvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, Moscow, 2001.
- [11] **A.V. Superanskaya**, Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of the proper name], Izdatelstvo “Nauka”, Moscow, 1973.
- [12] **V.V. Dasheeva**, Universalnost ekstralingvisticheskoi informatsii imeni (na materiale mongolskikh i kitaiskikh antroponimov) [Universality of Extralinguistic Information of the name (based on the material of Mongolian and Chinese anthroponyms)], Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. 8 (2010) 76–81.
- [13] **I.I. Khaleeva**, Interkultura – trete izmerenie mezhkul'turnogo vzaimodeistviya? (iz opyta podgotovki perevodchikov) [Interculture – the third dimension of intercultural interaction? (from the experience of training translators)], Aktualnye problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: Sbornik nauchnykh trudov [Actual problems of intercultural communication: Collection of scientific works]. 444 (1999) pp. 5–15.
- [14] **F.I. Sharkov**, Kommunikologiya: osnovy teorii kommunikatsii [Communicology: fundamentals of communication theory], “Dashkov i K”, Moscow, 2012.
- [15] **F.T. Temirova**, Importance of extralinguistic and paralinguistic factors in literary discourse, ISJ Theoretical & Applied Science. 02 (82) (2020) 265–271. DOI: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.20-20.02.82.48>
- [16] **L.K. Latyshev**, Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya [Translation: problems of theory, practice and teaching methods], Prosveshchenie, Moscow, 1988.

- [17] **R.K. Minyar-Beloruchev**, Obshchaya teoriya perevoda i ustnyi perevod [General translation theory and interpretation], Voenizdat, Moscow, 1980.
- [18] **R.K. Minyar-Beloruchev**, Kak stat perevodchikom? [How to become a translator?], “Gotika”, Moscow, 1999.
- [19] **T. Semeniuk, & Yu. Gordienko**, From Text to Polycode Text: Semiotic Changes in Text Production, Research Trends in Modern Linguistics and Literature, 1 (2018) 122–134. Retrieved from <https://rtmll.vnu.edu.ua/index.php/fgh/article/view/24>
- [20] **D.R. Mukhametshina, J.J. Danilova & L.B. Bubekova**, Multimodal Text: Author’s Linguopragmatics And Extralinguistic Factors. ALRJournal. 4 (9) (2020) 112–117. DOI: 10.14744/alrj.2020.19981
- [21] **A.L. Nikiforov**, Analiz ponyatiya «znanie»: podkhody i problem [Analysis of the concept of “knowledge”: approaches and problems], Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and philosophy of science]. 21 (3) (2009) 61–73.
- [22] **G.P. Shchedrovitskii**, Izbrannye trudy [Selected works], Shkola Kulturnoi Politiki, Moscow, 1995.
- [23] **E.V. Stozhok**, Termin, ponyatie, znachenie [The term, definition, value], Omskii nauchnyi vestnik. 1 (95) (2011) 79–81.
- [24] **O.A. Matusevich**, Istoricheskoe soznanie i kollektivnaya pamyat' kak predmet sotsialno-gumanitarnogo poznaniya [Historical consciousness and collective memory as a subject of social and humanitarian knowledge], “Istoriya, filosofiya, filologiya” [“History, Philosophy, Philology”. Proc. Of BGTU]. 5 (2011), pp. 11–113.
- [25] **O.V. Lazareva**, The prospects for convergence of the visual studies and cultural research, Chelovek. Kultura. Obrazovanie [Human. Culture. Education.]. 3 (33) (2019) 54–69. DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-54-69
- [26] **O.V. Lazareva**, Genesis and typology of Korean visual practices, Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture. 4 (41) (2019) 57–62. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-4-57-62
- [27] **T. Anokhina**, The Linguistic Verification of Lacunae by the Modern Lacunology Studies, Research Trends in Modern Linguistics and Literature. 1 (2018) 4–16. Retrieved from <https://rtmll.vnu.edu.ua/index.php/fgh/article/view/14>

Received 21.01.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Воронина Людмила Александровна
Voronina Lyudmila A.
E-mail: LyudaVoronina@gmail.com

Летун Сергей Александрович
Letun Sergey A.
E-mail: let.serg@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021